

Лидия Чарская

Гимназисты

Лидия Алексеевна Чарская

Гимназисты

*Текст предоставлен правообладателем
Гимназисты: 1907*

Аннотация

«...Священник отец Василий Крестовоздвиженский, прозванный неведомо почему гимназистами отцом Капернаумом, придерживая рукой лиловую, шелковую, мягко шуршащую рясу, входил в класс.

Окинув быстрым взором присутствующих, батюшка сразу убедился, что у «ариан нечестивых», как называл он, а за ним и вся гимназия восьмиклассников, нечто стряслось...»

Содержание

Глава I	4
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	28
Глава V	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лидия Алексеевна Чарская

Гимназисты

Глава I

Отец Капернаум

Священник отец Василий Крестовоздвиженский, прозванный неведомо почему гимназистами отцом Капернаумом, придерживая рукой лиловую, шелковую, мягко шуршащую рясу, входил в класс.

Окинув быстрым взором присутствующих, батюшка сразу убедился, что у «ариан нечестивых», как называл он, а за ним и вся гимназия восьмиклассников, нечто стряслось.

На вид, однако, все обстояло благополучно. Силач и верзила Бабаев, прозванный товарищами Самсоном, безмятежно играл в дурачки в «рае» – иначе, на последней парте – с высоким худощавым и близоруким Ватрушиным или Кисточкой, прозванным так за его постоянную привычку кивать в разговоре, как бы поддакивая собеседнику. Красивый, черноглазый и глуповатый армянин Соврадзе, «мурза» по прозвищу, упивался чтением запрещенного романа, запустив обе руки в свою синевато-черную кудлатую голову. Порывистый, пылкий, быстрый и живой, как ртуть, Гремушин

ожесточенно доказывал что-то своему соседу остряку и сорвиголове Мише Каменскому, общему любимцу и баловню, и в то же время предмету всяческих забот и справедливого негодования всего гимназического начальства – «тридцать три проказы», как про него говорили с восторгом его же одноклассники.

В уголку, за отдельным столиком сидели «иностранцы», как называл батюшка худенького, малорослого, горячего, как огонь, еврея Флуга, белобрысого, всегда уравновешенного, спокойного остзейца барона Нэда фон Ренке, длинного, как жердь, высокомерного и надменного юношу и вертлявого поляка, хорошенького женоподобного Стася Гудзинского, прозванного «Марусей» за его чисто женственную ласковость. Обыкновенно иноверцы на время уроков православного Закона Божия удалялись из класса, но сегодня отец Капернаум спешил на панихиду по умершему богачу коммерсанту и не рассчитывал давать урока более получаса, а на столь короткое время иноверцы решили, что переселяться из класса не стоит и ограничились водворением себя за отдельный столик. «Мурза» же, поглощенный чтением, так и остался сидеть на своем прежнем месте.

Итак, в восьмом классе, по-видимому, все обстояло благополучно. Но опытный глаз батюшки не обманул его. Какое-то сдержанное шушуканье, похожее на шум отдаленного приboя, носилось от времени до времени по классу. По временам невинные, белые, как миниатюрные хлопья снега, бу-

мажки, перелетали с парты на парту, на лету схватывались, на лету читались и исчезали куда-то, невинные, белые, ничего не говорящие зоркому глазу преподавателя. Батюшка, любопытный от природы, не отказался бы узнать ни за что на свете причину общего возбуждения. Но зная, опять-таки по опыту, что нечестивые ариане – народ скрытный и насмешливый, и еще, чего доброго, поднимут на смех за излишнюю любознательность, батюшка вздохнул только и после краткой молитвы, прочтенной дежурным по классу, расправил свою красивую, русую бороду и, поместившись на кафедре, обвел глазами класс.

В тот же миг сосед Соврадзе, высоченный, мрачный Комаровский, чуть-чуть подтолкнул под локоть зачитавшегося армянина.

– Спрячь книгу, мурза... Капернаум смотрит.

– Э... Отстань, пожалуйста!.. Вот человек!.. Бить буду! – неожиданно и громко заключил тот.

Несмотря на четырехгодичное пребывание в гимназии (он поступил прямо в 4-ый класс), Соврадзе все еще не умел чисто говорить по-русски и немилосердно коверкал язык к полному огорчению преподавателя русской словесности.

– Соврадзе! – тоненьким тенорком обратился законоучитель к мгновенно вскочившему со своего места кавказцу, – положите хранение на уста ваши до более удобного для разговоров времени!

– Услыхал-таки! – проворчал себе под нос Соврадзе, – вот

человек! – и с шумом опустился на своем месте.

– Слон! Чуть скамейку не вывернул! – рассердился Комаровский, подпрыгнувший чуть ли ни на пол-аршина при этом грузном плюханьи «мурзы».

Между тем батюшка раскрыл классный журнал, обмакнул перо в чернильницу и, поставив им крошечную точку против одной из фамилий, произнес кратко:

– Николай Гремущин. Пожалуйте.

Батюшка был из «молодых», недавно кончил академию, носил кокетливый академический значок на груди и говорил ученикам «вы», всем без исключения.

Коля Гремущин вскочил, как ужаленный, со своего места...

– Простите, батюшка. Я не готовил урока, – произнес он, чуть-чуть заикаясь и густо краснея алым, ярким румянцем.

– Да ну-у? – изумленно протянул батюшка. Гремущин был одним из лучших учеников, занимался он прекрасно, никогда не манкировал и был на хорошем счету у начальства. Отец Капернаум взглянул на юношу, как на труднобольного, нуждающегося в скорой и безотлагательной помощи, и произнес печально:

– Нехорошо, Гремущин... Непохвально!.. Вы, можно сказать, в преддверии университета, действительный, можно сказать, студент через три месяца – и такое упущение. Садитесь, Гремущин и, как ни прискорбно, я должен вам поставить двойку. – И еще раз с сокрушенным видом покачав

головой, батюшка уже обмакнул перо в чернильницу, готовясь привести свою угрозу в исполнение, как неожиданно с последней скамейки поднялся высокий Комаровский и произнес мрачно и уныло:

– Батюшка! Вы хотите поставить «пару» Гремушке, но в таком случае и мне... и нам всем по паре внесите... потому что никто из нас урока не готовил... И... и не в зуб толкнуть о Данииле Заточнике...

– Да... да... никто не учил... Не готовили! – дружно прогудело по классу. Батюшка пугливо насторожился.

– Так и есть. Набедокурили сорванцы! – вихрем пронеслось под его пышной и густой шевелюрой.

Но вдруг более счастливая мысль заменила только что мелькнувшую догадку и отец Капернаум, загадочно улыбнувшись, произнес, глядя куда-то вдаль своими добрыми, серыми глазами:

– А Радин, я знаю, все же приготовил заданное! Выйдите сюда и отвечайте, Радин.

Красивый, бледный, невысокий юноша лет семнадцати, не торопясь поднялся со своего места. Его тонкое породистое лицо, с синими, чистыми глазами, с благородно очерченным горделивым ртом, с целою шапкою густых, каштановых кудрей, открытое, мужественное и прекрасное, смело повернулось к отцу Капернауму.

– Вы ошиблись, батюшка, я тоже не готовил урока на сегодня! – произнес он мягким и приятным тенором.

Юрий Радин вместе с бароном Нэдом фон Ренке были первыми учениками класса и будущими медалистами, вне всякого сомнения. На Юрия Радина отец Капернаум надеялся, как на каменную стену. Его прилежание и усердие ставились на вид всем остальным ученикам и поэтому нет ничего мудреного, если подобный ответ любимца привел в справедливое уныние опечаленного батюшку.

– Как же вы так, юноша? – беспомощно развел руками священник.

– Я не готовил урока! – еще раз спокойно и негромко произнес Радин.

Отец Капернаум хотел ответить что-то, раскрыл рот, но ему не пришлось произнести ни слова.

Быстрее птицы ринулся со своего места от столика «иноверцев» маленький, черноокий еврей Флуг, с пылающим взором и лихорадочными пятнами чахоточного румянца на щеках. В одну секунду пробежав длинное узкое пространство между классными партами, он очутился перед отцом Капернаумом, весь взволнованный, трепещущий и возбужденный.

– Господин священник! – прозвенел его надтреснутый от явного недуга голосок, – г. священник, выслушайте меня... Вы русский законоучитель – я еврейский юноша, ученик... Мы люди совершенно различных положений... Но, как и у всех людей, должна быть соединяющая их связь, так и у русского священника с еврейским юношей должно быть со-

единяющее их души звено... Это звено – чуткость... И она должна быть вам присуща, господин священник.

– Аминь! Истина, да будет так! – прогудел загробным голосом Каменский со своего места на первой парте.

– Каменский! не юродствуйте! – осадил его батюшка. – А вы, Флуг...

Но отцу Капернауму не суждено было и на этот раз закончить своей фразы. Дверь широко распахнулась и в класс ариан пулей влетел или, по выражению гимназистов, «вонзился» Луканька.

Глава II

На допрос к директору

Мартьян Иванович Луканов, инспектор классов N-ской гимназии, имел целых три прозвища, не в пример прочим. Звали инспектора «тенью отца Гамлета» за его чрезвычайно худую, как у скелета, костлявую фигуру, на которой точно на вешалке болтался форменный вицмундир. Звали еще почтенного Мартьяна Ивановича «Иродом» за его хроническое, упорное преследование гимназистов и, наконец, «Луканькой». Последнее прозвище являлось самым общеупотребительным и распространенным. По первому же взгляду, кинутому на инспектора, отец Капернаум понял, что предчувствие не обмануло его, что у ариан доподлинно что-тостряслось и весьма нешуточное. Худое, сухое и дряблое лицо инспектора все прыгало от волнения. Грязновато-серые баки вздрагивали... Губы тряслись... В его левой руке была внушительных размеров штрафная тетрадка, «послужной список», как прозвали ее гимназисты, вся испещренная фамилиями провинившихся учеников, подлежащих взысканию за всякого рода сложные и несложные проделки и проступки, «вольные, яже невольные».

В другой руке Луканька держал карандаш, нервно постукивающий о толстую обложку «послужного списка».

– Простите, батюшка, – произнес он, наскоро подходя под благословение к священнику, – но я по приказанию директора принужден отозвать троих учеников с вашего урока. Дело требует безотлагательного выяснения.

И Луканька кинул на батюшку многозначительный взгляд.

Отец Капернаум только молча наклонил в ответ свою великолепно расчесанную голову. Инспектор торопливо подбежал к партам, и бегая по промежутку между рядами скамеек, выкрикивал фальцетом:

– Радин... Гремушин... Комаровский... пожалуйста к директору.

Названные гимназисты поднялись со своих мест и бодро зашагали на середину класса. Радин спокойно и величаво, красивый и гордый, как греческий Адонис, Гремушин своей быстрой, нервной и припрыгивающей походкой, Комаровский, чуть раскачиваясь на длинных ногах, навлекших на него второе прозвище «вешалки» со стороны его однокашников-гимназистов.

Когда Комаровский, невозмутимо-спокойный и мрачный, по своему обыкновению, поравнялся с партией, на которой сидел Каменский, Миша не выдержал и, повернув к нему свое светлоглазое, смеющееся лицо, незаметно воздел руки к небу и замогильным голосом прогудел:

– Помяни мя, егда приидеши во царствие его!

Кто-то неожиданно фыркнул.

Кто-то приснул от удовольствия и в результате фамилия Каменского очутилась мгновенно в «послужном описке».

– Так будет с каждым, кто осмелится нарушить тишину в классе! – торжественно возвестил Луканька, высоко потрясая карандашом.

– Вот чэловэк! – прозвучал заглушенный гортанный голос мурзы из рая, – сколько нашей крови высосал... а все тэн-тэню ходит... Ночью испугаться можно, когда на дороге попадетсся... Корм нэ в прок!

Луканька, по счастью, не слышавший последнего замечания, вышел, сопровождаемый тремя названными учениками из класса.

Когда торжественное шествие появилось в коридоре, «галлы», то есть средние классы, четвертые, пятые и шестые, имевшие в это время полуофициальные уроки, к разряду которых гимназисты относили часы рисования и пения, высунулись, сдержанно недоумевая, из своих помещений.

– Арестованных ведут... – шептали они. – И с ними Радин... «Примерник»... Несуразное что-то! Юрочкин! Чем вы провинились?

Маленькие седьмые, или «мелочь», по прозвищу, тоже высунули носишки из своего класса и чуть слышно хихикали.

– Осьмериков накрыли! Вот здорово-то!.. На нас кричат... а сами влопались...

– Сокрушу! – поймав этот чуть слышный лепет, лакони-

чески, но с грозным видом прогудел сквозь зубы мрачный Комаровский, делая по адресу «мелочи» страшные глаза.

Те дружно гикнули и мгновенно исчезли за дверьми своего класса.

Минуты через две Луканька с тремя арестованными очутились у дверей директорской квартиры.

Глава III

Предательская заметка

В красиво обставленной, несколько сумрачной и казенной до «тошноты», как о ней выразился кто-то из гимназических остряков, приемной директора все четверо остановились.

Невольно, скорее по привычке, нежели ради необходимости, юноши незаметно «обдернулись», пригладили волосы и, чуть вытянувшись, уставились глазами на дверь соседней комнаты, из которой должен был сию минуту появиться директор.

Но минуты проходили за минутами, протягиваясь с досадной медлительностью, а «сам» все еще не показывался.

Прошла еще минута, другая и третья томительно-неприятного ожидания. Еще... еще и еще...

Наконец портьера зашевелилась под чьею-то властной рукой и Вадим Всеволодович Анчаров, главное начальство N-ской гимназии, появился на пороге приемной.

Он был невысокого роста, кругл, с внушительных размеров брюшком на коротеньких ножках, с полными, отвислыми, лоснящимися щеками, с полуголым черепом, блестящим и белым, как слоновая кость.

Внушающий невольное уважение орден Анны висел под гладко выбритым подбородком директора.

За эту круглую, как колесо голову, за толстую быстро перекатывающуюся на коротеньких ножках фигурку, за постоянное пыхтение и бурно вздымающийся при усиленном дыхании живот, Вадим Всеволодович получил от неумолимых в сих вопросах гимназистов прозвище «Мотора».

В руках Анчарова был объемистый лист газетной бумаги, а глаза его инквизиторским взглядом впивались по очереди в лица трех стоявших перед ним юношей. Ответив небрежным кивком головы на почтительный поклон гимназистов, директор откашлялся, выкатился еще немного вперед, снова откашлялся и, чуть приметно пыхтя, начал приятным густым и сочным басом:

– Господа! Мне весьма прискорбно было узнать, господа, что между вами нашелся такой ученик, который с невозможной и возмутительнейшею для его возраста дерзостью решился так открыто и нагло попрасть издавна уважаемые и строго, раз навсегда установленные, правила нашего учебного заведения. Я говорю о прискорбном поступке с одним из ваших одноклассников, решившимся выступить в виду всего города в качестве театрального статиста, фигуранта и чуть ли не клоуна на подмостках одного из городских театров, о чем подробно свидетельствует статья, помещенная в этой газете и подписанная «доброжелателем».

Тут «Мотор» для большего впечатления потряс газетой перед носами стоявших перед ним гимназистов.

Потом он снова перевел глаза на злополучную газету и,

уткнув в нее пальцем с тщательно отполированным ногтем левой руки, занес правую в боковой карман, откуда извлек золотое пенсне, очутившееся в тот же миг на красиво изогнутом носу директора..

Затем, близко поднес газету к своим близоруким глазам и прочел:

«Удивляемся распушенности и вольности современных гимназистов. И за чем только следит гимназическое начальство? Нам достоверно известно, что ученик N-ской гимназии, восьмого класса, имел смелость открыто выступать в качестве актера-статиста на сцене городского театра... И т. д. и т. д.».

– Неожиданно закончил чтение статьи директор.

Он сделал минутную паузу, во время которой снял, протер носовым платком и водворил обратно в карман пенсне, и тогда только произнес снова:

– Я приходил, как вам известно, перед уроком Закона Божия в ваш класс, господа, и изложил вам вкратце суть дела. Тогда же я решительно потребовал от вас всех, от целого класса вкуче, назвать виновного. Участие в театре гимназиста не может быть допустимо ни под каким видом, как самое элементарное нарушение гимназического устава, и строгое взыскание должно постигнуть виновного. Но класс отказался выдать провинившегося... Правило товарищества (тут Директор чуть-чуть усмехнулся), с которым, положительно, я согласиться не могу... Раз ученик провинился, и его товарищи заведомо знают его вину и нежелание сознаться, их

прямая обязанность состоит в том, чтобы помочь начальству узнать имя виновного... Но не в этом дело. Это прописные правила, которые вы должны знать с младшего класса. А вот... о чем я хочу потолковать с вами. Я позвал вас сюда, господа, как лучших учеников с тем, чтобы передать вам мое решение, твердое и бесповоротное. Медалисты останутся без медалей, представленные к награде лишатся ее, а обыкновенные смертные (новая усмешка на гладком, розовом лице директора) – выйдут из нашего заведения с неудовлетворительной отметкой за поведение, если... если виновный не назовет себя... И вам, как лучшим ученикам класса, я говорю это с тем, чтобы вы передали это вашим товарищам. А теперь, до свиданья, господа, я не хочу задерживать вас больше!

И, сделав красивый, закругленный жест в воздухе правой рукою, Вадим Всеволодович покатился назад к двери, замаскированной тяжелой плюшевой портьерой.

– Вадим Всеволодович... одну минутку...

И, прежде чем кто-либо мог ожидать этого, Юрий Радин очутился в двух шагах от кругленькой, как мяч фигурки своего начальства.

Директор ласково кивнул юноше. Он любил Радина, как любил каждый этого открытого, прямого, стойкого в вопросах чести юношу.

– Что вам, голубчик? – мягко обратился он к гимназисту, с удовольствием окинув взглядом красивое, смелое и тонкое

лицо Юрия.

В одну минуту синие глаза Радина стали черными, как уголь, что случалось с ними всегда в минуты гнева или душевного волнения.

Так темнеет синее озеро перед грозой, когда над ним виснут угрюмо свинцовые тучи...

– Вадим Всеволодович, – произнес Радин, и красивый тенор его завибрировал затаенной дрожью, – не пытайтесь доискиваться виновного, потому что виновный – я!

Если бы молния, скользнув по приемной, ослепила всех присутствующих, если бы кусок неба упал на них в эту минуту, директор и Ирод удивились бы не больше того, чем были удивлены неожиданно и странно прозвучавшим словам Юрия.

На минуту воцарилось молчание, во время которого Юрий Радин стоял по-прежнему, спокойный, красивый и невозмутимый, перед грозными очами своего начальства. Комаровский и Гремущин переглянулись с тоскою.

– Зачем? Зачем он «ляпнул»? – красноречиво говорили, казалось, глаза обоих юношей.

С минуту Луканька, пришибленный неожиданностью, смотрел на Мотора; Мотор на Луканьку... Потом директорские губы раскрылись... Брови многозначительно поднялись и Анчаров веско и негромко протянул многозначительное «а-а». Снова потянулась минута, молчаливая, как смерть и тяжелая, как свинцовая туча. И вдруг все разом разрешилось

просто и ясно...

– Вы? Вы, Радин? – произнес, тяжело отдуваясь Анчаров, – я ни за что не поверил бы, если бы услышал подобное известие от кого-либо другого...

– Рассказывай! Преотлично бы поверил, – ты шпионов любишь! – вихрем пронеслось в голове Комаровского, которого, по его собственному мысленному признанию, прошибало от всех этих волнений до «десятого поту».

– Но это сказали вы, – снова подхватил директор, не мало не подозревая тех мыслей, которые кружились в буйной голове Комаровского, – и я не имею основания вам не верить.

Снова томительная пауза, во время которой гимназисты тоскливо переминались с ноги на ногу, скорбно рассуждая в своих мыслях:

– И чего пытается?! Уж отпустил бы на все четыре с миром, жила тягучая!

Но «жила» был далек от упомянутого намерения. Его маленькие глазки так и впились в Юрия.

– Послушайте, Радин, – затянул он снова своим приятным звучным баском, более чем когда-либо отдуваясь и пыхтя от волнения. – Не буду говорить теперь о причине, побудившей вас, лучшего ученика и украшение гимназии, нарушить так грубо и резко священные традиции нашего учебного заведения, вероятно, к тому у вас имелись веские причины, которые вы мне и сообщите после, наедине, с глазу на глаз... А пока я ограничусь только одним требованием. Я требую,

чтобы вы дали мне честное слово честного человека никогда больше не выступать «там» и не бросать таким образом тень ни на вашу гимназию, ни на ваше начальство, якобы допускающее подобное поведение. – И сделав строгое лицо, Мотор замолк.

– Дай ему слово! Ну же! Ну скорее, Каштанчик! Жарь и вывалим отсюда на «чистый воздух» по крайней мере, – усиленно зашептали ему в уши Коля и Комаровский, толкая Юрия под оба локтя.

Но Радин точно не слышал. Бледный тою синевато-серою бледностью, которая так свойственна нервным натурам, с раздувающимися ноздрями и нестерпимо горящим взором, он шагнул ближе к Мотору и произнес твердо:

– Нет, этого слова, Вадим Всеволодович, я вам дать не могу и... не хочу!

Что-то властное, и независимое прозвучало в дрогнувших звуках его молодого голоса. Это-то властное и независимое больше всего и укололо директора. Мотор вспыхнул, запыхтел и, забыв, что перед ним стоит лучший ученик, краса и гордость вверенного его заботам учебного заведения, крикнул:

– Ага! Бунтовать? Безобразие! Явное неповиновение!.. Что? Молчать! Вы еще не студент. Даже в прихожей университета не побывали, милостивый государь, а туда же! Открытое сопротивление!.. Что? Остаться в продолжении двух дней после уроков до десяти часов вечера!.. Безвыходно!

Марш!

И махнув рукою, Мотор, колеблясь всем своим толстым туловищем на коротеньких ножках, покатился к дверям и нырнул за портьеру.

Ирод подскочил к Юрию, сделал кислую мину и прошипел зловеще:

– Хорошо! Великолепно-с! Дождались!

Юрий пожал плечами и, не слушая сочувственных возгласов товарищей, с тою же синевато-серою бледностью на лице вышел из приемной...

... ..

Следом за уроком отца Капернаума должен был быть русский урок.

В маленькую, пятиминутную перемену, разграничивающую оба часа, в восьмом классе происходило настоящее столпотворение вавилонское. Дело было в том, что вернувшиеся от директора рассказали товарищам обо всем случившемся с их общим любимцем.

Последнего постигла кара, годная только для «мелочи» – первоклассника, а не для взрослого молодого человека, «завтрашнего» студента, и этого-то и не могли переварить самолюбивые «ариане» и шумели и горланили свыше меры. Уже несколько раз «галлы» заглядывали к ним по пути из класса в рекреационный зал, осведомляясь с самым невинным видом – не случился ли пожар в восьмом классе.

Даже «мелочь», бегая до неистовства в маленькую пере-

мену по зале, нет-нет и останавливалась, как вкопанная и, чутко насторожившись, прислушивалась к неумолкаемому гулу, несущемуся из старшего класса.

Действительно, вместилище ариан превратилось сегодня в библейские Содом и Гоморру. Напрасно, розовый и беленький, как барышня, классный наставник, прозванный Купидоном, носился с испуганным видом по классу и неистово взывал, простирая руки и глаза к небу, вернее, к потолку:

– Тише, господа, тише! Или будете внесены в кондуит...¹ Все-с до единого... все, поголовно-с!

– Поголовно? Это хорошо! Одни головы, значит, руки и ноги на свободе останутся, – острил Миша Каменский, не терявший еще никогда в жизни своего праздничного настроения духа.

– Каменский! Вы – первый-с!

И розовый Купидон заносил фамилию Миши к себе в записную книжку.

– За излишнее и неуместное острословие-с! – предупредительно пояснил он.

– Покорно вас благодарим за внимание, Илья Ильич. С почину, значит... Впредь не оставьте вашими милостями! – дурачился Миша.

– Я на вас, господин Каменский, директору буду жаловаться! – зашипел Купидон, теряя от злости весь свой нежный девичий румянец.

¹ Журнал замечаний.

– Так точно, господин наставник! – И Миша вытягивался в струнку, как солдат перед генералом, на общую потеху товарищей.

– Нэт! Скажытэ вы мнэ, что это за скотына такая, что в газетах доносы пишэт! – гудел Соврадзе, стоя на кафедре и ожесточеннейшим образом размахивая руками, как ветряная мельница своими крыльями.

– Да... да... узнать надо! Редактору злополучной газеты коллективное письмо, господа, напишем, что, мол, так и так... гимназисты 8-го класса, глубоко возмущенные подобной заметкой, просят открыть им имя автора статьи и... и..., – захлебываясь и горячась по своему обыкновению, трещал толстенький, рыхлый, с выпуклыми, ничего не выражающими глазами блондин Талин, недалекий и часто говоривший невпопад маленький человек.

– Попочка, заткнись! Наклей пластырь на твой болтливый клювик, все равно путного ничего не скажешь! – сразу огорошил Талина Каменский.

– Ну ты не очень-то... – запетушился тот.

– Молчи, дурья башка! Дэло говорить надо, а не горох сыпать, – неожиданно прикрикнул на него мурза.

– Господа! – И Коля Гремущин очутился на кафедре. – Слова прошу, слова!

– Дать ему слово! – загремел своим басом Бабаев так, что розовый Купидон подпрыгнул на месте и устремился, подпрыгивая своими фалдочками, вон из класса, что-то угрожающе

выкрикивая среди общего шума и суматохи.

– Гремущка! Валяй скорее! Купидошка окаянный за Луканькой подрал, забодай его козел в понедельник! – вылетая стрелой на середину класса, прокричал, складывая у рта трубой руки, Каменский.

– Господа! Я буду краток! – надрывался Коля. – Вот что я придумал, братцы: узнать завтра же имя автора подлой статьи и... и... митинг созвать... Понимаете? Где-нибудь под сурдинку, а там решить, что нам сделать с предателем... Как Юрочкин решит, так и казним его... Юрка! Каштанчик, ты что же молчишь? Тебя дело касается? – неожиданно подскочил Коля к печально и понуро сидевшему в уголку Радину. Юрий точно проснулся, поднял на товарища свои синие, прекрасные, теперь печальные глаза и произнес тихо, махнув рукою:

– Все равно... Делайте, что хотите... А лучше всего оставить втуне эту грязную историю.

– Как оставить втуне! Да ты рехнулся что ли, Каштанчик! – Каштанчиком Юрия называли товарищи за его красивую, как шапку разросшуюся густую каштановую шевелюру. – Окончательно спятил, братец! Такое, можно сказать, оскорбление – доносчик отыскался в классе, а он – втуне оставить. Как же! Сейчас! Нет, брат, шалишь! Мы как узнаем имя предателя, так всей оравой к нему и вонзимся и под страхом смерти либо хорошей потасовки, что ли, заставим его выпустить новую заметку о том, что де гимназическое

начальство относится к учащейся братии невтерпеж строго и карает завтрашних студентов, как каких-нибудь приготовишек, не узнав как следует, в чем дело... Так, что ли?

– Так, так, ловко придумано! Облобызаемся, друже! – И Миша Каменский широко раскрыл Гремущину свои дружеские объятия.

– Здорово, Гремочка! Молодца! – И верзила Самсон от души жжал своей огромной лапищей худенькую руку Коли.

– Братцы! А что если это кто-нибудь из своих, а? Не из наших восьмиклассников, а из галлов, может статья, статью состряпал? – И Кисточка стыдливо выступил вперед, моргая своими светлыми подслеповатыми глазами.

– Вот-то дурак! И он думает, что такой подлец в гимназии найдется! – И Комаровский негодующим взором окинул своего наивного товарища. – Это, брат, маком! Да!

– Вы это правду говорите! – и тоненький, изящный Стась, говоривший всем «вы» без исключения и изысканно вежливый со всеми товарищами, вынырнул вперед из-за широкой спины Самсона.

– А ты не юли – без тебя знаю! – огрызнулся Комаровский.

– Ну, так как же? – обводя разгоревшимися глазами толпившихся вокруг кафедры гимназистов, вопрошал взволнованно Гремущин.

– Узнать! узнать имя автора! Флуга послать – он узнает... Он ловкач в этом деле – даром что из-под земли не видать. А потом всей оравой к автору... Пистолет к груди – и пиши,

брат, под дулом другую статью в защиту пострадавшего...

– Ну, это маком, пистолет-то....

– Отчего же?

– Разве шоколадный!..

– Дурачье!

– А завтра митинг... Сговоримся, как действовать дальше... Прежде всего за Каштанку идти Мотора просить... Ведь позорище – как мальчишку под арест! И к автору статьи кого отрядить, братцы?

– Да прежде всего имя узнать надо! Флуг, Флуг! возмесься выведать?

– Умру, а узнаю, братцы! – откликнулся маленький еврей.

– Молодца!

И снова как пчелы в улье загудели, зашумели восьмиклассники. Один только виновник общей сумятицы казался спокойным и бесстрастным.

Юрий Радин, низко наклонив свою красивую голову над какой-то книгой, открытой наудачу, упорно думал свою невеселую думу.

Глава IV

Восстание ариан

Митинг у восьмиклассников обещал быть грандиозным. . .

Верзила Бабаев еще на уроке Божьей Коровки, вернее, учителя русской словесности, прозванного так за совсем исключительное кроткое отношение к своим ученикам, разослал по партам свернутые трубочками повестки с указанием места и часа сборища.

Решено было собраться в физической комнате, именуемой «пустыней аравийской» за то, что туда вне часов физических опытов, никто никогда не показывался, разве только сторож, на обязанности которого лежал присмотр за «пустыней». Временем сборища назначили 12 часов, когда ариане, нечестивые, бородатые и басистые восьмиклассники, и галлы, вечно спорящие и добивающиеся чего-то, и крикливая, дерущаяся «мелочь», все это собиралось в «чайной». Чайная была длинная, мрачная комната на том конце коридора, который назывался южным полюсом, в отличие от противоположного конца – полюса северного. В ней стояло несколько столов, покрытых камчатными скатертями, и швейцариха Марфа Спиридоновна или Марфа Посадница, энергичная, сильная женщина поила всю гимназическую братию чаем за шестьдесят копеек в месяц.

Сегодня по непредвиденным обстоятельствам в чайную собрались только галлы и мелочь, нечестивые же ариане блистали своим отсутствием.

Малыши не придали этому никакого значения и дружно набросились на бутерброды, захваченные из дому и составляющие вместе с чаем обычный завтрак гимназистов.

Галлы же, как более взрослые, поняли, что это неспроста и что ариане «закипели» и будут кипеть до самого «Иродова вторжения».

Галлы не ошиблись.

Восьмиклассники «кипели» не на шутку. У входа в Аравийскую пустыню, за стеклянную дверь, затянутой зеленой тафтяной занавеской, стоял тот же Самсон, взявший на себя роль устроителя митинга и блюстителя порядка. Он охранял дверь библиотеки, как некий мифологический Цербер охранял вход в Аид.²

Каждые две минуты Самсон высовывался за дверь и возвещал товарищам, что горизонт чист и что на севере и юге все спокойно. Собирались по двое, по трое, чтобы не возбудить, чего доброго, подозрения начальства. Быстро, как тени проскальзывали в «пустыню» и вскоре последняя превратилась в самое бурное и шумное место собрания возбужденной молодежи.

Участники митинга, совершенно забыли о строгом запрещении со стороны начальства устраивать подобного рода со-

² Греческий ад.

брания и увлеклись вовсю.

Умы волновались. Горячие головы пылали. Голоса звучали несдержанно и шумно. Слишком уж животрепещущим оказывался вопрос, чтобы можно было обсуждать его спокойно. Флуг мастерски выполнил возложенное на него поручение и узнал все. Но на все вопросы товарищей Флуг отмалчивался и сдержанно-кратко заявил, что до поры до времени не скажет ни единого слова.

– Господа! Надо выбрать председателя? – слышались тут и там громкие голоса.

– Председателя! Председателя! – загремело хором.

– Комаровского! Комаровского выбираем! Полезай на стол, Комарик!

– Чучело! – загудел Комаровский... – Да ведь стол-то круглый... одноногий... Вроде какого бы дамского. А что, ежели я турманом оттуда? а? Похороны-то на чей счет будут? – басил, не выходя из своего мрачного спокойствия, Комар. Но его не слушали. Десятки рук подхватили высокого юношу на воздух, и через минуту мрачный Комарик восседал на столе, поджав под себя по-турецки ноги, и неистово колотил перочинным ножом по пряжке пояса, что должно было заменять роль председательского звонка.

– Ребята! – загудел в ту же минуту со своего поста Бабаев. – Чур! не вопить!.. Вопить будете – тень отца Гамлета предстанет, а предстанет тень – из единиц хоть крошку делай!.. Чувствуйте!..

И снова его кудлатая голова высунулась за дверь.

В ту же минуту легкий, как мяч, Гремущин очутился на столе позади мрачного Комаровского.

– Братцы! – заорал во весь голос Коля, – торопитесь... Луканька того и гляди вонзится... Слушайте! начинаю. Отверсте уши и сомкните уста ваши!

– Без прелюдий, Николка! Валяй к делу! – загудело, зашумело кругом на тысячу ладов. Серые глаза Гремочки ярко блеснули.

– Братцы, – звонко выкрикнул он, – вам хорошо известно, что какой-то негодяй настрочил в газете пасквиль и результатом этого ваш рыцарски честный Радин, не желая подвести класса, влопался.

– Да к делу же! Чего мямлишь! – Раздраженно крикнул председатель – Комаровский.

– Начал от царя Гороха! Дать ему трепку за многословие.

– Долой оратора! Не надо такого!

– Не надо! Долой! Закрой свой курятник!

– Говорить не умеет! Вот человек! – громче других неистовствовал Соврадзе.

– Тише, вы! – умышленно звонким фальцетом запищал Каменский, – влопаемся все. Комарик, звони им! Звони, что они раскудахтались не в меру?

– Вот дурак-то! Чем я им звонить буду? Носом, что ли? – мрачно пробасил председатель. – Звонка у меня нет, чучело!

– Тише, вам говорят, тише, петушьё! – неся от двери бас

Самсона.

– Дайте же мне докончить! – взмолился Гремущин, весь красный, как пион, от тщетного усилия перекричать собрание.

– Завтра кончишь или когда студентом будешь! – сострил Миша.

– Господа! – уже в голос закричал Коля, прыгая на стол, как прыгает обыкновенно американский житель в банке, что продается на вербах... – дело не в Радине... Мне жаль, что Юрочкина здесь нет между нами, я бы это и ему в лицо сказал... он провинился и терпит кару, а вот что у нас предатель есть – вот это гадость... И имя его нам сейчас узнать надо... Флуг все выведал... Пусть скажет... Флуг! Флуг! Где ты?

И Гремущин, вытягивая свою и без того длинную шею, вертел голову направо и налево, стараясь разглядеть за спинами товарищей характерную тщедушную фигурку маленького еврея. Но Флуг уже сам протискивался вперед, усиленно работая локтями, чтобы расчистить себе дорогу. Его огромные глаза горели... Чахоточные щеки пылали. Худенький и тщедушный, ловкий и быстрый, как котенок, он в одну секунду был уже на столе, на месте спрыгнувшего Коли.

– Товарищи! Слова прошу! – задыхаясь и кашляя, звенел его вибрирующий голосок.

– Молчать! Флуг говорить хочет! Дайте, шут возьми, говорить Флугу! – гремел мрачный бас Комаровского, и он уставился на все еще шумевшую ватагу свирепым оком грозного

начальника.

– Слушайте Флуга! Говори, Флуг! Живее! – загудело несметным роем вокруг маленького еврейчика. Черненький Давид, весь пылающий, нервный и возбужденный, окинул присутствующих своими огромными глазами, горевшими нестерпимым блеском, и заговорил громко, спеша и волнуясь:

– Подлость! Подлость! Господа... Низкое предательство. Узнал, так своим ушам не поверил. «Свой» же, восьмерик, накатал статью о Радине. Ей-Богу!

– Имя его?! Имя! Флуг! – загудело, послышалось кругом стола.

– Да, да, имя и изгнать предателя из товарищеской среды!

– Попросту вытурить из гимназии!

– За два-то месяца до акта?

– Шут возьми! А доносить благородно?

– Да тише вы, чучелы! Луканька, ей-ей, нагрянет.

– Воздух сгустился! мой нос чует! чучелы! Гроза собирается, – неистовствовал Бабаев, как обезьяна, прыгая через порог «физической» в коридор и обратно. Но «чучелы» не унимались... Умы волновались все сильнее и сильнее... Молодые сердца кипели... Все взоры до единого впились в разругавшееся чахоточным румянцем лицо маленького еврея.

– Кто писал статью? Кто? Кто? Да говори же... – неслось отовсюду. Флуг стоял на столе, тесно окруженный со всех

сторон бурливой, молодой толпою.

Он поводил горящими глазами и, казалось, ждал только, когда все стихнет. Наконец, наступила желанная пауза, и Флуг начал.

– Господа! Я буду краток... Слушайте: я скажу вам одну маленькую притчу. Были два человека на свете. Оба талантливые... Оба хотели много учиться, чтобы стать учеными и полезными членами своей родины. Хотели и еще кой-чего иного... Хотели награду получить от тех, кто над ними стоял, их учил, напутствовал... Но вот один своими знаниями начал одолевать, побеждать другого... Ему должна была быть присуждена первая награда, его товарищу – вторая. Этот товарищ был горд и тщеславен, как сам сатана. Он понял, что если оклеветает соперника, унизит его в глазах начальства, то соперник лишится своей награды. И он будет первый, как царь. И он взял и написал грязную заметку, где, не называя имени товарища, предал гласности его проступок перед правилами того учебного заведения, где оба воспитывались. Он хорошо знал, доносчик, что начальство обратит свой гнев на весь класс и что виновный не допустит наказания всего класса и назовет себя... И не ошибся... И о чем писал? На что донес? На то, что сын, желая заработать лишний кусок хлеба своей больной матери, не побоялся выступить на театральных подмостках, вопреки запрещению начальства! Злодей мог только решиться на это! Все, как видите, просто и ясно... Я был в редакции газеты и узнал имя

предателя... Господа! Я жалкий, маленький еврей, сын почтенного старого Авраама Флуга. Мы бедны... очень бедны и не каждый день обедаем даже, я, моя сестра Сара, мой старый почтенный отец. Но ни за какие сокровища в мире я не променяю своей нищей жизни впроголодь на баронский титул и богатства того человека, который стоит вон там у колонны и который предал своего брата не за грош...

Едва только успел произнести маленький Флуг последнее слово, как толпа присутствующих, как по команде, устремилась в дальний угол комнаты. Там, картинно опираясь на колонну, скрестив руки на груди и презрительно сощулив свои маленькие бесцветные глазки, стоял длинный остзеец барон Ренке. При заключительной речи Флуга его спокойное, высокомерное лицо покрылось легким налетом румянца. Белобрысые брови свелись над переносицей. Глаза блеснули. Надменная усмешка скривила губы.

Наступила томительная пауза, во время которой Ренке и Флуг впились глазами друг в друга. Худо скрываемое презрение промелькнуло в худосочном, породистом лице барона... Ему отвечали тем же поблескивающие, как зарницы, глаза маленького еврея. Протянулась минута, одинаково тяжелая для всех присутствующих. Точно грозовая туча повисла в воздухе над головами всех этих юношей, взволнованных, как никогда. И вдруг стремительно и быстро Флуг соскользнул на пол, духом пролетел пространство от стола до колонны и, вонзив свои два горящие глаза в надменное лицо барона,

вскрикнул взволнованно, истерично:

– Барон Нэд фон Ренке! Это сделали вы!

Глава V

Товарищ-Искарриот

Гром грянул... Гроза разразилась... Точно удар хлыста прошелся по телу длинного остзейца.

Он вздрогнул... Позеленел... Глаза его ушли куда-то вглубь и спрятались за белесоватыми ресницами. Две горящие зелеными огоньками щелочки впились в лицо Флуга, как два маленькие жала змеи. Все прочие ариане безмолвной толпой стояли вокруг. Всем было как-то не по себе... Предательство одноклассника ошеломило юношей. Несносное, нестерпимое, до боли острое чувство горечи и стыда наполнило молодые честные души всех этих взрослых мальчиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.